

лет создавали у советского человека весьма позитивный образ Страны восходящего солнца.

Специальные главы коллективной монографии посвящены таким любопытным и ранее не исследовавшимся аспектам формирования взаимных образов, как японская карикатура периода распада СССР, представления о России в провинциальной Японии и восприятие анимэ и манга в современной России. Соавтором Ю. Михайловой в последнем разделе был безвременно ушедший из жизни, замечательный российский востоковед — проф. СПбГУ Е.А. Торчинов.

Широчайший спектр проблем формирования взаимных образов Японии и России, рассмотренный поистине интернациональным коллективом авторов данной монографии, позволяет говорить о масштабности этого коллективного исследования. Тщательный подбор материалов и их скрупулезный анализ, новые повороты темы и привлечение неожиданных источников (плакаты, карикатуры, анимэ, манга) позволяет говорить о новаторстве при рассмотрении уже достаточно популярной темы.

Некоторое сожаление вызывает лишь то обстоятельство, что данной коллективной монографии не предпослана глава теоретического характера, которая позволила бы вписать данное исследование в контекст фундаментальных имагологических работ. К сожалению, на сегодняшний день мы имеем большое количество теоретических работ на тему образов и стереотипов, написанных философами, антропологами, этнологами, культурологами и даже психологами, которые порой слабо ориентируются в конкретном фактическом материале. В то же время специалисты по отдельным странам и культурам (в том числе востоковеды), обладая огромным фактическим материалом, не торопятся с их теоретическим осмыслением. На наш взгляд, наступает время, когда востоковеды не только активно включатся в разработку проблематики имагологического характера, но и внесут свой вклад в формирование теоретических основ имагологии как научного направления.

В заключение хочется отметить, что данная книга не только отличается глубиной поставленных проблем и новизной материала, но и написана в увлекательной манере и

легко читается, что позволяет рекомендовать ее студентам, специализирующимся в области изучения истории и современного состояния отношений России со странами Востока. Книга снабжена большим количеством интересных иллюстраций, что дополняет изложенный материал и помогает его восприятию.

Н.А. Самойлов

Чунакова О.М. Хрестоматия по авестийскому языку. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 176 с.

Чунакова О.М. Хрестоматия по древнеперсидскому языку. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 72 с.

История развития иранских языков условно делится на три периода: древний (до IV в. до н.э.), средний (до VIII в.) и новый (до настоящего времени). К древнеиранским языкам, дошедшим до нас в письменных памятниках, относятся древнеперсидский и авестийский, к среднеиранским — среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, хотаносакский и бактрийский. К новоиранским относятся все современные иранские языки. В процессе исторического развития иранские языки претерпели значительные изменения, пройдя путь от языков с выраженным синтетическим строем, с развитой системой флективных форм до языков аналитического строя.

Изучение иранских языков в Европе и России началось с практическими целями в XVI в. С XVII в., после открытия и дешифровки клинописных древнеперсидских надписей, сасанидских надписей, а также рукописей Авесты, началось научное изучение иранских языков. На рубеже XIX–XX вв. был опубликован фундаментальный труд по иранистике «Grundriss der iranischen Philologie» (Bd. I–II. Strassburg, 1895–1904), в котором содержатся, в частности, работы Х. Бартоломе по авестийскому и древнеперсидскому языкам и К.Г. Залемана по среднеперсидскому языку. В 1904 г. в Страсбурге был опубликован словарь древнеиранских языков Х. Бартоломе «Altiranisches Wörterbuch». В дальнейшем изучением древнеиранских языков за

рубежом занимались Х. Райхельт, Х. Юнкер, А. Мейе, Э. Бенвенист, Р. Кент, К. Хоффманн, Х. Хумбах, В. Бранденштейн, М. Майрхофер и др., среднеперсидским — Х. Юнкер, В.Б. Хеннинг, Х.С. Ньюберг, Д.Н. Маккензи и др. Выдающаяся роль в развитии иранского языкознания принадлежит российской науке. В России древнеиранскими и среднеперсидским языками занимались К.Г. Залеман, А.А. Фрейман, В.И. Абаев, С.Н. Соколов, В.С. Соколова, В.С. Расторгуева; в настоящее время ими занимаются М.Н. Боголюбов, А.Г. Периханян, В.А. Лившиц, И.М. Стеблин-Каменский, Д.И. Эдельман, Е.К. Молчанова и др.

На факультете восточных языков Петербургского университета современные иранские языки преподавались с момента его образования в 1855 г., а с 1863 г. по инициативе К.А. Коссовича началось преподавание древнеиранских языков. В 1876 г. К.Г. Залеман начал также преподавать среднеперсидский язык, и с этого времени древнеиранские и среднеперсидский языки были неизменно представлены в учебных планах факультета, что явилось основой построения курса истории персидского языка. На кафедре иранской филологии, основанной в 1916 г., этот курс читал член-корреспондент АН СССР А.А. Фрейман, а в настоящее время читает академик РАН М.Н. Боголюбов.

Изданные Факультетом филологии и искусств хрестоматии по авестийскому и древнеперсидскому языку О.М. Чунаковой являются первыми учебными пособиями такого рода на русском языке. Они включают вступительную статью «От составителя», алфавит, отрывки из текстов в оригинальном написании, транскрипцию текстов и глоссарий к ним. К авестийской хрестоматии, по образцу издания учебного пособия С.Н. Соколова «Язык Авесты». Ленинград, 1964), приложены также грамматические таблицы.

Во вступительных статьях О.М. Чунакова приводит общие сведения об авестийском и древнеперсидском языках и называет привлеченные тексты: это отрывки из Ясны, начальных глав Вендидада и Яштов для авестийской хрестоматии, и, для древнеперсидской, семь самых известных надписей (целиком и в отрывках) Кира, Ксеркса и Дария. Далее О.М. Чунакова указывает принципы принятой ею транскрипции и приводит пол-

ный список использованной ею литературы. Для авестийского языка это, прежде всего, труды Х. Бартоломе, а также работы С.Н. Соколова, а для древнеперсидского — Р. Кента, В. Бранденштейна–М. Майрхофера, Р. Шмитта и С.Н. Соколова. Важно то, что в хрестоматиях впервые приводятся тексты в оригинале: авестийский — по раритетному изданию К. Гельднера (1886–1895), а древнеперсидский — по практически недоступной публикации Р.Н. Шарпа, изданной в Тегеране (ок. 1970). К приведенным текстам О.М. Чунакова дает подробный глоссарий, слова в котором снабжены грамматическими пометами: при именах указывается род, число и падеж; при глаголах даются основы (настоящего времени, аориста и перфекта), указывается склонение, время (для изъявительного склонения), залог, лицо и число. Особо хочется отметить глоссарий к авестийской хрестоматии (с. 94–158, с. 159–160 — пазендский словарь), поскольку в нем приводятся этимологические сопоставления с новоперсидским языком и с санскритом (последние указаны С.С. Тавастшерной). Слова снабжены также отсылками к тексту, что облегчает пользование глоссарием. Подобный принцип построения словаря дает возможность познакомиться с морфологией языка, и это является еще одним достоинством рецензируемых изданий. Кроме того, понимание авестийских текстов, в которых, как известно, имеется много грамматических непоследовательностей, призваны облегчить шесть грамматических таблиц, включенных в «Хрестоматию по авестийскому языку» (с. 161–171): это таблицы чередования гласных, огласовок именной системы, падежных окончаний, глагольного словообразования, личных окончаний и указательных местоимений.

Тексты, приведенные в хрестоматиях в оригинале и транскрипции, безусловно, полезны для начинающих. Правда, можно высказать замечание относительно выбранной О.М. Чунаковой транскрипции авестийских текстов. Можно согласиться с тем, что в «Хрестоматии по авестийскому языку» (с. 5–6) выбрана фонетическая транскрипция, а не «идеальная», представляющая авестийские слова на праиранском уровне (как в учебном пособии С.Н. Соколова «Язык Авесты», 1964 г.), и не морфологическая, предпола-

гающая знакомство читателя с грамматической структурой языка (как в издании «Авеста В.С. Соколова. Опыт морфологической транскрипции и перевод». Подготовка материалов к изданию и редактирование И.А. Смирновой. СПб., 2005). Выбор «традиционной» фонетической транскрипции О.М. Чунакова объясняет тем, что она использована в существующих словарях и исследованиях (имеется в виду словарь Х. Бартоломе и грамматические очерки авестийского языка В.С. Расторгуевой и С.Н. Соколова). Однако последнее время в научных статьях и трудах М.Н. Боголюбова, Ж. Келлена, Э. Пирара и др. используется модифицированная транскрипция, с обозначением вариантов для букв *y*, *v* и *š*.

Хрестоматии хорошо изданы. Их обложки оформлены так, как и предыдущая работа О.М. Чунаковой — «Хрестоматия по среднеперсидскому (пехлевийскому) языку» (Из-во СПбГУ, 2005, 94 с.). Последняя построена по такому же плану: вступительная статья о среднеперсидском языке и особенностях письменности, библиография, алфавит и таблица лигатур, а также десять сочинений и отрывков в оригинале (в наборном или рукописном виде) и их транслитерация. В качестве образцов привлечены тексты разных жанров: «Книга деяний Ардашира Папакана», «Книга о праведном Виразе», «Бундахишн», «Суждения Духа разума», наставления, заговор и др. Все тексты были ранее изданы и переведены О.М. Чунаковой в серии «Памятники письменности Востока», и на этом основании она не включила в хрестоматию глоссарий, что, на мой взгляд, является упущением.

Три изданные по единому образцу хрестоматии — среднеперсидского, авестийского и древнеперсидского языков — составляют серию учебных пособий, охватывающих весь курс истории персидского языка. Эти хрестоматии, несомненно, будут востребованы и окажутся полезными для начинающих иранистов. Публикация этих учебных пособий, осуществленная д. фил. н., вед. науч. сотр. ИВР РАН О.М. Чунаковой демонстрирует еще один важный аспект деятельности Института — а именно работу по подготовке новых научных кадров.

З.А. Юсупова

Троцевич А.Ф., Гурьева А.А. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Вып. 1. Корейские письменные памятники в фонде китайских ксилографов Восточного отдела Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. — 299 с.

Составление и издание научных описаний коллекций требует высокой профессиональной квалификации составителей, эрудиции, большого внимания и терпения, она довольно трудоемка и на некоторых стадиях монотонна. Подобная работа может считаться эпохальной, поскольку осуществляется примерно раз в сто лет, а ее значение первостепенно, так как именно с каталога начинается поиск произведения, его списков, редакций и вариантов.

А.Ф. Троцевич и А.А. Гурьева являются авторами большого проекта по описанию корейских материалов, хранящихся в восточковедных библиотеках Санкт-Петербурга, и первый каталог посвящен корейским письменным памятникам в фонде китайских ксилографов Восточного отдела Научной библиотеки СПбГУ. Само название свидетельствует о том, что авторы провели большую работу по выделению из китайской коллекции книг, изданных в Корее, атрибутировали и описали их. Эта работа впервые дает представление о корейском собрании Восточной библиотеки СПбГУ и в этом смысле является новаторской.

Введение, предваряющее основную часть, написано А.Ф. Троцевич. В нем впервые дана подробная характеристика произведений, формирующих фонд, его собирателей и состояния книг, сформированы принципы построения каталога (с. 8–37). Описание памятников группируется по двенадцати темам, что дает полное представление о репертуаре университетского собрания и его специфике (с. 39–171). Четыре указателя дают ссылки на произведения и упоминаемые имена (с. 284–299). Каталог снабжен солидной иллюстративным материалом, содержащим воспроизведение 84-х титульных листов, колофонов, страниц рукописей и ксилографов (с. 173–283).

В «Описании» представлены 84 рукописи и ксилографа, что в общей сложности состав-